

Бабушкины сказки

Автор:

Александра Седегова

Бабушкины сказки

Александра Николаевна Седегова

Все мы чьи-то дети, а дети любят сказки, и не обязательно они должны быть выдумкой. Привет! Я очень рад тебе! Да, именно тебе, ведь если эта книга у тебя в руках – значит, ты готов открыть для себя новый мир, наполненный не только удивительными историями, а ещё и удивительно атмосферой, царящей в каждой строке. А эта книга – сборник, наполненный «сказками», в которые ты можешь не верить, а можешь верить. Выбирай сам, но я тебе, как Волк скажу – верить стоит, хотя бы потому, что многое из них я видел сам.

Геологи

Группа Данилова долго шла по тайге. Места были глухие, необжитые. Последний раз людей видели больше недели назад. Наконец вышли на точку, откуда их должен был забрать вертолет. Быстро разбили лагерь. На радостях, что маршрут закончен, засиделись за разговорами до полуночи.

Утром Данилова разбудил тихий разговор. «Ребята что ли проснулись?» – удивился Никита. Вот кто-то рассмеялся негромко. Самое интересное было то, что смех был женский. «Откуда здесь женщина?» – Данилов вылез из палатки. Возле потухшего костра стояли двое, мужчина средних лет, высокий и худой и девушка-подросток. Высокая, еще не взрослая, но уже не ребенок. Она испуганно оглянулась и с любопытством уставилась на Никиту.

– Здравствуйте, – поздоровался Данилов, подходя к гостям.

– И вы здоровы будьте, – ответил, чуть поклонившись, мужчина. Девушка молча поклонилась. Мужчина внимательно оглядел геолога и спросил: «Откуда будете, люди добрые? Какие дела в наши края занесли?»

– Мы геологи, землю изучаем, руду ищем, полезные ископаемые. А вы, простите, из какой деревни? У нас на карте здесь жилья нет. Видимо, пропустили что-то, – Никита украдкой разглядывал их. Гости были одеты в странные балахоны. Длинные, почти до пят, рубахи, непонятного зелено-коричневого цвета. У обоих пушистые длинные волосы, распущенные по плечам. Только у девушки на талии поясок, плетеный из чего-то, вроде коры. Оба были босые. Яркие зеленые глаза, любопытные и настороженные, жили на неподвижных лицах.

– Наше жилье здесь, не далеко, – проговорил мужчина, – на ваших картах, может быть, не отмечено, но живем мы здесь издревле. Видали мы много пришлых людей. Кто-то, как вы, ищет что-нибудь, кто-то просто мимо идет. Мало ли кто за чем ходит. А вы, значит, в земле копаетесь, камни собираете. Ладно, коли так. Лес только не обижайте, с огнем осторожнее. Пошли, Сосенушка, не будем мешать добрым людям, – девушка, стоявшая не шелохнувшись, плавно повернулась и пошла за мужчиной. На краю поляны они оглянулись и помахали Данилову рукой. Никита ответил им.

– Эй, погодите! А где деревня ваша-то? – опомнился геолог, но они не оглянулись и не спеша вошли в лес.

– Ты с кем тут беседуешь? – потягиваясь из палатки, вылез Пашка Бобров. – Ты что, уже сам с собой говоришь?

– Мужик с девчонкой здесь были. В лес ушли. Вот только что.

– Откуда здесь людям взяться. Места глухие, сам знаешь, тут за сто километров никого нет. Одни медведи, – отмахнулся Пашка. Данилов пожал плечами:

– Не знаю. Может выселки какие-нибудь или еще что. Давно, говорят, здесь живут.

Лагерь просыпался. Люди собирали вещи в ожидании вертолета. За делами, Никита забыл об утренних гостях. Прилетел вертолет. Все быстро погрузились, возбужденно шумя. Данилов на последок выглянул в окно. На краю поляны,

почти сливаясь с лесом стояла девочка подросток.

- Пашка, смотри, да вот же она, девчонка, - воскликнул он. Бобров с любопытством посмотрел туда же.

- Где ты ее увидел? Сосна там растет, вот тебе и показалось. Отмахнулся он.

- Может и показалось. Сел на место Данилов. Когда прилетели, Пашка подошел к нему и тихо проговорил:

- А ведь там, когда мы пришли, никаких сосен не было.

Елень

Главный врач больницы, Гордей Иванович вышел из палаты. Озабоченно покачивая головой, он обратился к Сергею Петровичу, врачу детского отделения:

- Если говорить честно, Сергей Петрович, я уже не знаю, чем мы можем помочь девочке. Ей все хуже и ничего не помогает. Неужели мы неверно поставили диагноз?

- Но его уже подтвердили и анализы, и обследования, - пожал плечами Сергей Петрович.

- Тем не менее, она держится только за счет аппаратуры. Что-то мы просмотрели.

К ним подошла медсестра:

- Гордей Иванович, к девочке из девятой палаты пришла посетительница. Мы ее не пускаем, а она не уходит, уже целый час внизу скандалит, вас требует.

- Хорошо, проводите ее ко мне в кабинет. Я сейчас подойду. А кто она такая? В карте записано, что у девочки нет родственников и она доставлена из детского дома, - изучив карту спросил врач.

Медсестра пожала плечами:

– Я не знаю, но они, по-моему, похожи. Может быть дальняя родня?

В кабинете врача ждала худенькая, темноволосая женщина. Ее можно было принять за подростка, и в тоже время чувствовалось, что она уже не молода. Женщина быстро встала на встречу Гордею Ивановичу.

– Здравствуйте, доктор. Позвольте мне повидать девочку. Ее неделю назад привезли сюда, – просительно заглянула в глаза врачу женщина.

– А вы, голубушка, кто будете?

– Я ее дальняя родня. В отъезде были, далеко. Не скоро узнали о беде. А как своих бросишь. Родители-то ее погибли. Злодеи их погубили. Только она одна осталась. От этого Елень и заболела. Мала еще, чтобы без взрослых жить. Прикрыть ее некому, позаботиться о ней, – посетительница вздохнула и пригорюнилась.

– Да, да. Но она была в детском доме. Уход там за детьми хороший, – возразил Гордей Иванович.

– Разве это уход. Ей нужно совсем другое. Поддержка родни, родной земли. Наша энергия и земные соки.

– Леночка сейчас в тяжелом состоянии. Мы прилагаем все усилия, но, к сожалению, пока безрезультатно. Я боюсь, мы можем ее потерять. Вы, конечно, можете побыть с ней. Но она без сознания, – они подошли к палате и вошли туда. На кровати, окутанная проводами, лежала маленькая девочка, лет пяти-шести. Бледное личико ее осунулось, под глазами темные круги. Казалось в теле не осталось ни кровинки. Только чуть заметно вздымалась под одеялом грудь.

– Не долго, – приказал врач и вышел.

Едва за ним закрылась дверь, женщина подбежала к девочке:

– Очнись, Еленька, очнись, малышка. Возьми сколько надо моей силы. Не бойся, мы тебе поможем. Если бы только мы раньше узнали куда тебя увезли. Мы бы давно тебя забрали, – она положила обе руки девочке на голову и замерла. Несколько минут она стояла неподвижно. Но вот девочка глубоко вздохнула и открыла глаза:

– Вересея, ты пришла за мной, я так долго тебя ждала, – прошептала девочка и попыталась поднять голову, но женщина удержала ее.

– Нет, нет, Елень, ты еще слаба. Лежи. Я завтра приду за тобой. Мы заберем тебя домой, – она гладила девочку по голове. Девочка закрыла глаза и уснула. Щеки ее порозовели, дыхание стало ровным.

– Вам пора, – заглянула в дверь медсестра.

– Да, да, я ухожу, – женщина встала, – можно я завтра снова приду?

– Не знаю, что скажет доктор, – девушка посмотрела на ребенка, – Ой, кажется, ей стало лучше. Нужно срочно позвать врача, – она выбежала из палаты.

Женщина улыбнулась и тоже вышла.

На другое утро она снова пришла. Гордей Иванович сам вышел к ней.

– Здравствуйте, дорогуша. Сегодня у нас есть чем похвалиться. Леночке стало лучше. О чем-то говорить еще рано, но надежда есть. Так что можете не беспокоиться. К сожалению, все посещения мы вынуждены отменить. Карантин, знаете ли. В городе эпидемия гриппа.

Видя, что женщина нахмурилась, главврач успокаивающе погладил ее по плечу, – ничего голубушка это только на недельку, не больше. А звонить нам можно всегда.

– Мне обязательно нужно видеть ее. Она еще очень слаба и ей нужна моя поддержка.

– За девочкой хороший уход. Я думаю, мы вскоре поставим ее на ноги. И вам нужно отдохнуть. Сегодня вы выглядите очень усталой. Нельзя же, голубушка, так себя изнурять, – Гордей Иванович тихонько подтолкнул женщину к выходу. Женщина нехотя вышла из больницы.

После обхода медсестра заглянула в ординаторскую: «Смотрите, как интересно. Вчерашняя посетительница уже часа два стоит неподвижно под окном девятой палаты. Как только терпения хватает?» – врачи выглянули в окно. Действительно, под окном стояла та самая женщина. Она ушла только вечером.

Ночью девочке стало хуже. Она стала задыхаться, по телу то и дело пробегали судороги. Всю ночь дежурный врач не отходил от нее. Ничего не помогало. Рано утром вызвали главного врача, но он ничем не мог помочь.

Вдруг девочка затихла и задышала глубоко и ровно, а вскоре и вовсе спокойно уснула. Все облегченно вздохнули. Гордей Иванович подошел к окну. Встало солнце. А под окном стояла прежняя посетительница. Он попросил медсестру пригласить женщину к нему: «Мне нужно с ней поговорить».

Через несколько минут женщина быстрым шагом вошла в палату. Она очень осунулась и даже постарела. Не глядя на врача, быстро подошла к девочке и положила руки ей на голову. Врач удивленно наблюдал за ней.

– Я правильно вас понял? – он внимательно вглядывался в лицо женщины, – вы не совсем люди?

– Нет, доктор, – покачала головой Вересея, – мы тоже люди. Но немного не такие, как вы. И Елень тоже человек. Только человек-дерево. Мы древни жили на Земле, когда еще простых людей не было. Мы иногда принимаем человеческий облик, иногда звериный. Но чаще стоим в виде деревьев. Нас осталось не много. Люди мало о нас знают и часто путают с простыми деревьями. Из-за этого много наших погибло. Вот и родителей Елени порубили, да и ей досталось. А наших никого рядом не оказалось. Люди ее нашли. Хорошо, что облик поменять смогла. Отвезли Елень в детский дом, а мы не можем жить в городах. Воздух, вода все другое.

– Так вот почему все наши усилия были напрасны. Может быть, если бы люди о вас знали, не было бы такой беды.

– Нет, доктор, тогда бы мы все уже погибли. Мы просто уходим подальше. Сегодня Елень встанет на ноги. Вы уж отпустите ее отсюда. А то одних моих сил недостаточно. А все вместе мы ее вылечим.

Днем весь персонал больницы провожал женщину с девочкой. Малышка, бывшая утром при смерти, весело бежала, взяв женщину за руку. «Последние из рода древней уходят», – сказал Гордей Иванович, задумчиво глядя в окно.

Домовуха

Дом был старый, дряхлый, как древний старик, стоял скособоченный, еле живой. Если бы не подпорки, наверно, давно бы рухнул. Дом шел под снос. Люди переезжали в новые дома. Жильцы дружно выносили мебель из старых квартир, помогая друг другу. Смех и шутки слышались со всех сторон. Машины развезут их по городу. Возможно, они никогда больше не встретятся. Сейчас же об этом как-то не думалось. Казалось, что впереди все только хорошее. Однако в радостный настрой нет-нет, но влетали грустные нотки. Многие родились и выросли в этом доме. Покидая его, они оставляли здесь маленький кусочек своего сердца.

Семья Сергеевых тоже переезжала. Как и все соседи, они радовались, что едут на новое место жительства. У них будет большая благоустроенная квартира. В новой квартире и жизнь пойдет по-новому, хорошо и без проблем. Семья была большая. Четверо детей разного возраста, дед Григорий Петрович, да мать с отцом. Вот и получалось семь человек. Семья. Уже подошли машины и все торопливо выносили вещи. Анастасия Григорьевна не громко командовала, указывая, что выносить в первую очередь. К переезду готовились давно. Вещи были аккуратно упакованы. Машина уже сделала две ходки и теперь собирали остатки. Деда посадили в кабину, на колени ему дали корзину с общей любимицей кошкой Клеопатрой.

«Настасья, хозяйина-то не забудь позвать с нами», – спохватился дед. Анастасия Григорьевна отмахнулась, мол не забуду. Однако взяла старый кроссовок младшего сына и зашла на кухню. Прикрыв поплотнее дверь, тихонько проговорила: «Батюшка домовой, поехали с нами на новое житье». За тем она вышла на минутку и вернувшись положила обувь к себе в сумку. Еще раз оглядела она пустые комнаты, ранее такие родные, а теперь уже немного

чужие. Ей вспомнилось, как они въезжали в эту квартиру. Совсем молодые, только-только поженились. Как они радовались своему первому жилью. Управдом дал им ключи, сказал «живите» и ушел. А они долго стояли у окна и сердце замирало от счастья. Кроме двух чемоданов, вещей у них не было. Зато была окрыленность от того, что они теперь настоящая семья и у них свое жилье. Здесь родились их дети. Хорошие выросли ребята, послушные, ни чем особо не болели, росли шустрые, но не хулиганистые. Что еще матери надо. С мужем Анастасии Григорьевне тоже повезло. Мужчина был старательный, мастеровой. По праздникам мог, конечно, и выпить, но пьяным никогда не бывал. В квартире все было сделано его руками. Вспоминая прожитую жизнь, помнится только хорошее. Анастасия Григорьевна вздохнула еще раз оглядела пустую комнату и направилась к выходу. Вдруг какой-то не ясный шум из кухни привлек ее внимание. «Кто то вернулся что-ли. Может что-нибудь забыли?» Она заглянула в кухню. На полу сидело маленькое лохматое существо и плакало.

– Ой, господи! Это что такое? Ты кто? – испуганно спросила женщина. Существо подняло на нее огромные, полные слез глаза.

– Я вам столько лет служила, за ребятами вашими ходила. Не один не разу носа не разбил, не порезался. Белье у вас всегда самое чистое было. Кошка ни разу нигде не нагадила. Ни одного вора в дом не пустила. А меня побоку, даже не позвали с собой, у-у-у.

От изумления Анастасия Григорьевна начала икать.

– Да кто ты такая?

– Домовуха я ваша, хозяйка этого дома. Сколько себя помню – все здесь проживала. При прежних жильцах, и с вами. За домом и за хозяйством приглядывала. А вы меня на новую квартиру не позвали.

– Как же так, – Анастасия Григорьевна заглянула к себе в сумку, – как не позвали? Вот я кроссовок сына своего вам для переезда оставляла и приглашала с собой.

– Кого ты приглашала? Мужика моего, а меня нет. Разве он один без меня справится! А я одна здесь останусь. Дом мой разломают и мне с ним, видно, помирать, – домовуха вновь зарыдала. Анастасия Григорьевна подобрала второй

кроссовок.

– Матушка-домовуха, поехали с нами на новое житье, – проговорила она и вышла. Вернувшись через минуту увидела, что на кухне ни кого нет. Подняла кроссовку и тоже положила в сумку. Затем повернулась и вышла из квартиры. Люди переезжали в новые дома.

Бабушкины сказки

За окном мело. Сильные порывы ветра сотрясали не только стекла, но и весь дом. Иринка с младшим братом Андреем сидели на печке и от безделья играли в карты. Родители отправили их на зимние каникулы в деревню, к бабушке. Ребятам было скучно. На улицу не пускает метель. В городе можно было хотя бы телевизор посмотреть, в компьютере поиграть, а у бабушки даже электричества не было. Говорят, что где-то упал столб с проводами. Когда кончится метель – починят. Вот и приходилось сидеть со свечкой и играть. От свечи все казалось необычным и таинственным. Бабушка возилась у плиты, готовила ужин.

– Бабушка, а ведьмы на свете бывают? – неожиданно спросила Иринка.

– Как не быть. Конечно есть, – продолжая чистить картошку, ответила бабушка.

– А как ее можно узнать, – не унималась внучка.

– Все очень просто. Если думаешь, что кто-то там ведьма, воткни в дверной косяк иголку и смотри. Ведьма ни за что не сможет через дверь пройти, – усмехнулась бабушка. Заинтересованные внуки побросали карты и уселись за стол.

– Бабушка, а лешие в лесу бывают?

– Есть и лешие. Вот случай у нас был. Я тогда еще молодая была. Мы с отцом в лес ходили. Дрова готовили. День-то поработали, домой отправились. Идем, идем, а на дорогу все попасть не можем. Ну что ты будешь делать? Водит нас по кругу и все. Потом поняли, что это леший свои шутки шутит. Я платок на изнанку передела. Отец фуфайку вывернул. Прошли совсем немного, смотрим, а дорога-

то вот она. Рядом с ней ходили, а не видели. Ясное дело, леший нам глаза отводил. Ешьте, давайте, ешьте. Чего меня старую слушать.

После ужина дети опять полезли на печь.

– Баба Маня, расскажи еще чего-нибудь интересного, что еще у тебя было? – попросили оттуда они, устраиваясь поудобнее.

Бабушка убирала со стола:

– Что у меня рассказывать. Все как у всех. А вот дед-то ваш, Петр Андреевич, много чего повидал, много знал. Жаль помер рано. Вот помню, рассказывал он о цветке папоротника.

– Ты что, бабушка, – перебил бабу Маню Андрей, – папоротник не цветет, он спорами размножается.

Иринка толкнула его локтем, дескать молчи. Но бабушке, видимо, самой было приятно поговорить, и она продолжала:

– Конечно, папоротник не цветет. Но в ночь на Ивана Купала, это праздник такой, на папоротнике появляется цветок. Не простой цветок, а волшебный. Кто этот цветок сорвет, все клады, что в земле лежат видеть будет. Многие искали его. Только не каждому он дается. Вот и ваш дед решил поискать его. Работал он тогда в милиции. Смелый был. И пистолет имелся, все же не так страшно. Мужиков с собой позвал. Бориску Кошкина, Семена Митяева, деда твоей подружки Ленки Митяевой. Вот и пошли караулить. Место заранее присмотрели, где папоротника побольше растет. Вроде лето, ночи-то светлые, а тут темень, как осенью. Ну вот, пришли они в лес, на поваленное дерево сели, ждут. Цветок-то в полночь зацветает. Ждут, ждут, нет ничего. На часы поглядывают. Полночь уже прошла, вот уже час ночи, второй пошел. Не появился цветок. Что поделаешь? Пошли обратно. Подходят к деревне, дед-то глянул на часы, а время только к двенадцати подходит. Отвело им глаза. Обманул цветок-то. Оно может и к лучшему. Клады-то всякие до хорошего не доводят. То богатство дорого, что самим заработано. А что легко достается – легко и уходит.

– И что, так дед его никогда и не увидел?

– Я же говорю, не для каждого он, – бабушка прислушалась, – кого-то к нам несет.

В дверь постучали и на пороге, вся в снегу, появилась бабушкина соседка Варвара Михайловна.

– Здравствуй, Егоровна. Что на дворе-то делается. Не пройти, не проехать.

– И ты здравствуй, Михайловна. Проходи к столу. Мы, правда, уже поужинали. Но чайку с тобой попью.

– Да я на минутку. Дай, думаю, забегу к Егоровне. Узнаю как она там. А у тебя, видать, гости, – кивнула соседка на печку.

– Внуки приехали на каникулы. Угощайся, чем богаты, тем и рады.

Пока старухи обменивались последними новостями, ребята шептались на печке.

– Знаешь, Андрюха, мне эта бабка не нравится. Помнишь летом она на нас орала, когда мы ее кошку ловили. Я думаю, что она ведьма. Давай проверим. Я спущусь, будто бы попить и воткну в косяк иголку. А ты смотри за ними, чтобы не заметили. – Брат согласно кивал ей. Девочка спустилась с печи и делая вид, что пьет из ведра, стоявшего у дверей на скамье, воткнула заранее приготовленную иголку в дверной косяк. Затем она снова влезла к брату. Играть в карты не хотелось. Они долго лежали, прислушиваясь к беседе подружек. А те все никак не могли наговориться. Наконец, Варвара Михайловна встала и пошла к двери. Дети замерли, глядя, что же будет дальше. Но соседка спокойно попрощалась и ушла. Разочарованные дети легли спать. В эту ночь им снились чудесные бабушкины сказки. Когда дети уснули, баба Маня подошла к двери и достала из косяка иголку.

– Слова особые еще нужно знать, – засмеялась она.

Внучка

Яркое солнце с утра изо всех сил грело землю. Все живое начинало просыпаться. Первыми подали голоса птицы. Сначала робко прозвучал один голос. Вскоре к нему приладился другой. И вот уже весь лес зазвучал. Птицы радовались новому теплему дню, солнцу и жизни вообще. На дальнем болоте взвились в воздух утки, разминаясь, сделали круг. В ельнике негромко рявкнула медведица, подзывая разбежавшихся медвежат. Старый волк, пощурившись на солнце, залез в нору, отсыпаться после ночной охоты. На выселках тоже все оживало. Вот скрипнула дверь и на крыльцо вышла баба Маня. В стайке, замычала корова, сейчас же подал голос поросенок. Завидев хозяйку, куры спрыгивали с насеста. Петух важно захлопал крыльями, но кукарекать не стал. Баба Маня подоила корову, открыв ворота, выгнала ее за ограду. Ни куда она не уйдет. Вокруг стеной стоял лес.

Уже много лет живет здесь Мария Егоровна. Ведет свое хозяйство, да присматривает за лесным участком. Когда-то муж бабы Мани – Василий Петрович, был здесь лесником. Но вот как восемь лет не стало старика. Дочь Любка давно жила в городе. Замуж вышла. Зять у бабы Мани хороший. Тещу уважал. Приезжая, всегда привозил подарки, помогал по хозяйству. И сено накосит, и воды натаскает, и дрова заготовит. Да мало ли мужской работы в доме. Каждый год отпуск проводил у нее. Своей-то матери давно в живых не было. Баба Маня тоже его любила и никогда не разрешала Любке обижать мужа. Доченька у них росла, Танюшка, на отца похожая, такая же беленькая, голубоглазая, да светлая. Пять годиков исполнилось. На это лето девочку привезли к бабушке погостить. Сейчас она тихонько посапывала в избе за занавеской. Баба Маня заглянула в избу. Сейчас же большой черный кот важной походкой подошел к ней и начал тереться об ноги. «Ну, ты, окаянный, не мешай», – проворчала старуха, но налив молока, погладила его. Темными зимними вечерами он был ее единственный собеседник. Деревня была в пяти километрах от выселок и редко кто заходил к бабе Мане летом, а зимой неделями людей не видела. Разве кто за помощью приходил. Кому что полечить, заговорить, кому погадать. Раньше-то чаще ходили, но сейчас в деревне открыли фельдшерский пункт и люди лечатся у врачей. А в разных газетах и журналах гороскопы всякие, на всю жизнь прописаны. Люди верят, но Егоровну все равно не забывают. Нет-нет, да и прибежит кто-нибудь. Чаще, конечно девчонки. Про любовь им интересно, да бабоньки о своих детках и мужиках заботятся. Митрофан Кузьмич – лесник из Сосновки, тоже бывает заходит. Только кот Баюн скрашивает одиночество.

Прихватив ухватом чугунок, баба Маня достала его из печи. Ей опять вспомнилась дочь. Росла она красивая, крепкая, но своенравная, характерная.

Чуть что не по ней, бывало, расшумится, руками замашет, а то и дверью хлопнет, да и улетит куда-нибудь, потом успокоится, вернется тихая, да ласковая. Вся в мать пошла. Баба Маня все ей прощала, любила очень. Отец души в ней не чаял. На руках готов был носить, пылинки не давал упасть. Однако, дочь все равно укатила в город. Хорошо, что внучку привезли погостить. Мария Егоровна заглянула за занавеску. Девочка еще спала. На отца похожа и характером, и лицом. Любкиного-то почти ничего нет. В нашей-то породе все черноволосые, да черноглазые. И нрав у Любки еще тот, бывает ведьма – ведьмой. Как ее зять терпит, еще и любит, говорит.

Управившись с утренними делами, баба Маня села к столу, чаевничать. За занавеской послышалась возня и шлепанье босых ножек. На кухню вышла улыбаясь голубоглазая малышка с золотистыми кудряшками. «Кто тут у нас проснулся?» – сразу встала на встречу бабушка. Девочка подбежала и обняла ее. «Слава богу, не в нашу породу, – в полголоса прошептала баба Маня, погладив внучку по голове, – пошли, Танюшка, чаевничать. Только сначала глазки протри, да ручки вымой. Я тебе тазик на крыльце приготовила».

Девочка послушно побежала умываться. Баба Маня достала еще одну чашку, положила в блюдце несколько конфет и других городских гостинцев. «Что-то долго нет», – забеспокоилась бабушка. Вышла на крыльцо и ахнула. Над двором, сидя на метле, висела Танюшка. Она весело помахала бабушке рукой и полетела в сторону леса. «Все-таки в нашу породу», – вздохнула старуха, кряхтя села на другую метлу и полетела догонять внучку.

Травник

Весна медленно, но верно вступала в свои права. Почки на деревьях набухали, обещая покрыть ветки веселой, нежной листвой. На пригорках стаивал снег, появились проталины. Вскоре они зарастут первой зеленою травой. Даже воздух пахнул весной. Вся природа просыпалась от долгой зимней спячки. Оживленно щебетали птицы, которых с каждым днем становилось все больше. Выбирались из нор звери. Все дружно тянулось к солнцу, к теплу, к новой жизни.

На Дальнем болоте проснулись нимфы. Невысокие, коренастые, густо заросшие шерстью, они напоминали небольшой стожок сена, но были вполне разумные и очень трудолюбивые. Зимой, как медведи, они впадали в спячку. С приходом весны температура их тела повышалась, они просыпались и принимались за работу. Издревле нимфы ухаживали за природой той местности, где проживали.

Следили, чтобы деревьям и травам было достаточно тепла и влаги, чтобы зверью хватало пропитания, чтобы росло здоровое потомство. Старались все в природе сбалансировать. В старину нимф было много. В каждом лесу жила одна-две семьи. Были среди них взрослые и малыши. Однако люди все больше расселялись по земле. Все меньше оставалось не тронутых мест. Многие леса вообще исчезли под топорами. Нимфы уходили все дальше от людей. Их оставалось все меньше. Редко рождались у них малыши. Некому было смотреть за лесами. Растения гибли, реки мелели и люди жаловались на плохие урожаи.

Но на Дальнем болоте нимфам повезло. Лес их стоял не тронутым. Конечно, люди селились около него, но до болот еще не добрались. В прошлую зиму у нимф появился малыш. Его называли Травник. Глядя на родителей, он тоже старался обихаживать каждую травинку на болоте. После, когда он подрастет, Травник будет ухаживать за цветами и деревьями. Лишь став взрослым, ему доверят зверей и птиц. Старшие нимфы с улыбкой наблюдали за ним.

Председатель сельсовета, Иван Петрович, собирался на охоту. Давно ему хотелось сходить на Дальнее болото. Говорят там глухаринные токовища хорошие. Птицы много. А еще, кстати, сват из города приехал. Надо показать ему настоящую охоту. Он, конечно, не охотник, но все равно ему интересно будет. Вышли из дома рано. Идти далековато, а на машине не проедешь, дороги туда нет. Идти нужно через лес, напрямую, по еле заметной тропинке. Поначалу шли легко. Лес был старый, темный, полный разных звуков. Городской гость немного нервничал. Ему все казалось, что за ними кто-то наблюдает. Иван Петрович посмеивался: «Это деревья на тебя смотрят. Бабки рассказывают, что они раньше живые были. Даже ходить и говорить могли. Потом разучились. Теперь только смотрят и ветками качают. «Смотри!» – он поклонился высокой сосне, та, толи от ветра, толи сама по себе закачала верхушкой. Иван Петрович засмеялся, и, помахав ей рукой, пошел дальше. Сват только плечами пожал.

На болото пришли засветло. Осмотрелись, приготовили места поудобнее. Ночь нужно просидеть. На рассвете должны появиться глухари. Наступала темнота со своими звуками и шорохами. Охотники чутко дремали, боясь проспать начало утра. После полуночи, ближе к рассвету, на землю опустился легкий туман. Иван Петрович боялся, что из-за него не увидит птиц. Но вскоре подул ветерок и очистил поляну. И вот с громким хлопанием, на землю опустились первые птицы. Глухари распушили перья и запели древнюю, самую первую песню о любви. Иван Петрович растолкал задремавшего свата и знаками показал на птиц. На поляне их было уже около восьми штук. Охотники прицелились, чувства нетерпения и

азарта охватили их, но что-то пошло не так. Между охотниками и птицами появилось какое-то существо. Оно было не большого роста, светло-зеленое и лохматое. И в это же самое мгновение прозвучал выстрел и существо исчезло. Птицы испуганно вспорхнули и улетели. Охотники выскочили из укрытия и подбежали к тому месту, где видели кого-то. Но там никого не было. Только большая кочка болотной травы, ранее ими не замеченная, топорщилась под ногами.

«Заснули мы что ли? Мерещится всякая ерунда, – проворчал Иван Петрович. – Нынче охоты, видно, не будет». Домой они ушли без добычи. Птицы так и не вернулись на ток.

Когда все утихло после ухода охотников, на поляну вышли нимфы. Они молча стояли над телом Травника. Малыш лежал, свернувшись в небольшой комочек. С грустными песнями нимфы похоронили свою последнюю надежду.

Травы в этом году не уродились.

Оборотень. Новичок

«Все ребята из нашего класса уезжают в город. Только вы меня не отпускаете. Что я здесь в деревне делать буду? Я учиться хочу», – выкрикивал рассерженный Сережка, стоя посреди избы. Его мать, Евдокия Ивановна, пригорюнившись, с жалостью смотрела на сына. Отец, Григорий Петрович, хмуря брови, сидел за столом.

– Ну что, мать, видимо, вырос сынок. Пора ему все рассказать.

Мать в ответ лишь пожала плечами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sedegova_aleksandra/babushkiny-skazki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)